

Мушкина, Е. "Это было в Краснодоне, в грозном зареве войны...!"
[Текст] : [о создании романа "Молодая гвардия"] / Е. Мушкина // Родина. – 2008. - № 2. - С. 113-120.

65 лет назад, в январе 1943 года, гитлеровцы зверски замучили членов подпольной молодёжной организации. 10 июля 2001 года умер Василий Иванович Левашов — последний герой-молодогвардеец, последний из восьми чудом оставшихся тогда в живых. Всего их было около 100 человек, иногда говорят более 70. Точное количество неизвестно, ведь ребята действовали и в самом городе, и в посёлках, и на хуторах. По данным же следственных органов, из шурфа шахты № 5 поднято 49 тел.

ПЕРВЫЙ ШАГ — ЛИСТОВКИ

Немцы заняли Краснодон 17 июля 1942 года в два часа дня. Всё произошло стремительно.

Началась жизнь под немцами. Началась борьба с немцами.

Первый шаг — конечно, листовки. Жители находили их в вёдрах, на заборах, на телеграфных столбах. Сначала листовки писали от руки. Потом удалось раздобыть типографский шрифт и печатный станок. Собрали радиоприёмник и стали слушать сводки Совинформбюро.

В августе на квартире Виктора Третьякевича собрались Иван Земнухов, Сергей Тюленин, Евгений Мошков, Георгий Арутюнянц, Василий Левашов. Это костяк. Позже к ним присоединились Иван Туркенич и Олег Кошевой. Среди организаторов — Леонид Дадышев и два Анатолия — Ковалёв и Лопухов.

Создали штаб. Командир — Иван Туркенич, самый старший, лейтенант Красной армии, бежавший из плена. Комиссар — Виктор Третьякевич, выпускник местной школы, активный комсомолец; партизанский отряд, где он сражался, был разгромлен, и Виктор вернулся в Краснодон. Утвердили его подпольную кличку — Славин. Именно эта подпись стоит на временном комсомольском билете, который получил четырнадцатилетний Радик Юркин.

Для конспирации разбились на пятёрки. Связными стали сестры Иванцовы, Оля и Нина, и Валерия Борц. Собираться решили по мере надобности, на квартирах, где не стояли немцы. Чаще всего у Третьякевича и Арутюнянца.

Сделать успели немало. Подожгли биржу труда — сгорели списки людей, которых угоняли в Германию. Освободили военнопленных. Казнили предателя. А в ночь на 7 ноября жители плакали от счастья: на зданиях жандармерии и школы, шахты и больницы развевались красные флаги. Несколько часов немцы не решались снять их: вдруг заминировано?

Вечером 30 декабря Сергей Тюленин и Валя Борц увидели грузовик, крытый брезентом. Ни водителя, ни охраны. Оказалось, мешки с подарками — новогодние поздравления немецким солдатам. Сбросили

два мешка, спрятали надёжно. Вот обрадуются местные жители! А сигареты решили продать: организация нуждалась в деньгах. У Жени Мошкова был целый штат уличных мальчишек, готовых подзаработать.

В выходные дни на базаре — бойкая торговля. Обычно немцы смотрели на это сквозь пальцы. Но, обнаружив пропажу из грузовика, были начеку. Они уже поняли: в городе действует сильная организация. Может, от подарков и ниточка потянется...

Так и вышло. Мальчишку задержали, избили, и он признался, что получил сигареты от Земнухова, Мошкова и Третьякевича.

В тот же день всех троих арестовали. Потом — новые аресты. Очные ставки, пытки... 16 января 1943 года первую партию комсомольцев сбросили в шурф шахты. Глубина — 54 метра. Сверху, для надёжности, две вагонетки. Несколько суток слышались стоны... Потом вторая партия. Ещё пять человек были расстреляны в Ровеньках; среди них Олег Кошевой и Люба Шевцова.

14 февраля в Краснодон ворвались наши войска. 1 марта тела погибших были захоронены в братской могиле. Кто-то из армейских корреспондентов, потрясённый увиденным и услышанным, написал об этом в ЦК комсомола Украины.

ПОЧЕМУ ТОРИЦЫН НЕЖИЛ В ГОСТИНИЦЕ

Первое сообщение о молодогвардейцах поступило в ЦК украинского комсомола 31 марта 1943 года. В. Костенко, секретарь ЦК, сразу же поставил в известность Н.С. Хрущёва. Тот отреагировал мгновенно:

— Возьмите образец, как мы пишем Сталину. Подготовьте текст и приложите указы о награждении.

Из Москвы приехала комиссия во главе с заместителем заведующего спецотделом ЦК ВЛКСМ А. Торицыным. Жил он у Елены Николаевны Кошевой. Учительница, женщина интеллигентная, умная, она рассказывала о сыне, советовала, в какие семьи пойти, с кем из родителей встретиться.

Кошешая помогла составить списки для награждения. Списки много раз менялись. Кого-то вычёркивали, кого-то добавляли, снова вычёркивали, снова добавляли...

Дело оказалось не просто трудным — труднейшим. Ребята, оставшиеся в живых, ушли на фронт. Девушки-связные не были членами штаба и мало что знали. Радик Юркин — подросток. Родители? Но многие вообще не знали о борьбе, которую вели их дети.

8 сентября Хрущёв подписал записку на имя Сталина. И уже 15 сентября в «Правде» появился указ о награждении.

Звание Героя Советского Союза присвоено пятерым — Олегу Кошевому, Ивану Земнухову, Сергею Тюленину, Ульяне Громовой, Любови Шевцовой. Орденом Отечественной войны I степени награждена Елена Николаевна Кошешая. Орденом Красного Знамени — Анатолий Попов, Николай Сумской, Иван Туркенич. Орденом Красной Звезды — Георгий Арутюнянц, Валерия Борц, Нина и Ольга Иванцовы, Николай

Шищенко, Радий Юркин — те, кто остался в живых. Ещё 20 молодогвардейцев получили орден Отечественной войны II степени.

Здесь же, на газетной полосе, фотографии пяти новых Героев Советского Союза. Подпись: «Организаторы и руководители подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Подождите, но почему же Иван Туркенич, командир, не среди Героев? И почему нет комиссара, Виктора Третьякевича?

Нина Константиновна Петрова, доктор исторических наук, изучила в Центральном архиве ФСБ дело № 20056 — материалы, связанные с гибелью «Молодой гвардии». Десятки ценнейших документов — протоколы, письма, стенограммы — собраны ею в книге «Молодая гвардия» — художественный вымысел и историческая реальность». Среди них — те самые наградные списки в разных вариантах.

Пятёрка героев с первого варианта до последнего — едина и незыблема. Зато другие... За полтора месяца, с 19 июля по 5 сентября 1943 года, поступило много предложений от организаций и ведомств: от Ворошиловградского обкома комсомола, комиссии Торицына, бюро ЦК ЛКСМ Украины, бюро ЦК ВЛКСМ...

Ивана Туркенича в первых списках не было. Потом он вдруг появился, но не на звание героя, а на награждение орденом Ленина. Кончилось орденом Красного Знамени. Виктор Третьякевич, наоборот, в первых списках был — тоже не на звание героя, а на награждение орденом Отечественной войны. Кончилось, как мы видим, ничем.

Елена Николаевна Кошечкина, мама Олега, была во всех списках, но сначала «за активную помощь «Молодой гвардии» её собирались наградить орденом Красной Звезды. А Веру Васильевну Коростылёву, бабушку Олега, которая появилась в списке ЦК ВЛКСМ 5 сентября, — медалью «За боевые заслуги», за активную помощь «Молодой гвардии» в деле её конспирации...

Там, за кулисами, копья ломались не на шутку. Но читатели «Правды» этого не знали. Газету рвали из рук. Все говорили об указе и очерке Александра Фадеева «Бессмертие», напечатанном тут же. Поэты и композиторы слагали песни:

*Это было в Краснодоне,
В грозном зареве войны.
Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны.*

Сталин вызвал Фадеева:

— Найдите талантливого писателя. Пусть срочно едет в Краснодон.
— В Краснодон поеду я, — решительно сказал Фадеев.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

В конце сентября, бросив все дела, Александр Александрович приехал в Краснодон. Как и Торицын, остановился у Елены Николаевны

Кошевой. Так же слушал её рассказы.

А рассказы были невесёлые. Город бурлил, многие плакали. К слезам горя добавились слёзы, вызванные несправедливостью: указ, этот злополучный указ! Кого-то забыли, кого-то потеряли, заслуги одних приписали другим...

Оказывается, забыли не только Виктора Третьякевича. В списках награждённых нет Анатолия Ковалёва, Анатолия Лопухова, Надежды Петрачковой, Юрия Полянского, Евгения Климова, Василия Гукова... На стенах камер, где мучили ребят, были обнаружены надписи, сделанные карандашом. Одну из них запечатлел фронтовой фотокорреспондент Леонид Яблонский: «Взят Гуков В. С. 1943.1.6.» Чуть ниже несколько фамилий — Бондарева, Минаева, Громова, Самошина. Девушки среди награждённых есть, Гукова — нет.

Забыли и Юрия Виценовского. В музее «Молодой гвардии» хранится его предсмертная записка из тюрьмы: «Родные мои! Получил вчера две записочки. Спасибо за бурки и одеяло. Теперь тепло. Только пропадёт оно здесь. Судьбу нашу решает фронт. Этот гул может сделать своё дело. Надежды на освобождение нет». Юрий был арестован позже других, они вместе с Анной Соповой вынашивали план освобождения ребят. Не успели. Оба погибли. Сопова в указе названа, Виценовский — нет.

Нет в указе и фамилии Василия Левашова, активнейшего члена штаба. Возможно, до прихода в город Ивана Туркенича именно он являлся командиром. В «Молодой гвардии» было два Левашовых — братья Василий и Сергей. Сергей награждён, Василий — нет.

Всего полгода назад горе объединило родителей, сблизило. Указ разделил их: одни погибшие оказались достойны награды, другие даже не упомянуты.

Куда же идти? Кому жаловаться? А тут как раз Фадеев появился! Но Елена Николаевна начеку: «Не мешайте писателю!»

Наиболее настойчивые всё же прорывались. Фадеев разводил руками: «Всё решала комиссия Торицына». Но родители умоляли: «Разберитесь!»

Разбираться Фадеев не стал. Перед ним стояла другая задача — создать произведение. Эпохальное. Сталин торопит, а он почти месяц торчит здесь! Заверил: все замечания обязательно учтёт... Успокоил: такое, как с указом, не повторится. Пообещал: как только книга выйдет, каждая семья её получит.

13 декабря 1944 года Фадеев записал в дневнике: «Сегодня в 8 часов вечера закончил «Молодую гвардию».

За право публиковать отрывки боролись все средства массовой информации. Он отказывал, говорил, что многие главы ещё требуют работы. Всё же отдал одну главку в «Комсомольскую правду». А потом отнёс роман в журнал «Знамя» — один из самых популярных и читаемых.

СЧАСТЬЕ «ЗНАМЕНИ»

Непреложное правило любой редакции — не выпускать джинна из бутылки, пока не будет сдана хотя бы половина произведения. Автор — живой человек, мало ли что может случиться. И ещё: вдруг не хватит творческого запала, мастерства?

Тут ситуация особая. Было ясно: Фадеев с дистанции не сойдёт. Да и время подгоняло: ТАКУЮ рукопись нельзя долго держать в столе.

И журнал рискнул. Анатолий Тарасенков, заместитель главного редактора, был счастлив. Бросился к машинистке:

— Откладывайте все другие материалы! Это — в первую очередь!

Машинисткой в «Знамени» работала Нина Леопольдовна Мушкина — моя мама.

Перепечатывать приходилось несколько раз. Рабочего времени не хватало, и мама брала рукопись домой, печатала до глубокой ночи. Фадеев приходил часто, «на курьерских обязанностях».

В РГАЛИ, архиве литературы и искусства, сохранились страницы «Молодой гвардии», перепечатанные мамой: «Машинопись с авторской и редакционной правкой. Год 1945. 750 стр. машинописного текста». Страницы сшиты белой толстой ниткой. Наша машинка «Смисс-премьер» конца XIX века не имела латинского шрифта, поэтому слова «Setzen Sie sich! Schnelie!», когда немецкий офицер приглашает Любку в машину, написаны рукой мамы, чернилами.

Фадеев выдавал продукцию на-гора. К счастью, как у любого писателя, у него бывали взлёты и падения. Мама зашивалась, поэтому даже радовалась отсрочкам-задержкам. Но с другой стороны — с каким нетерпением ждали мы каждую новую порцию! Мама, теперь можно признаться, подкладывала копирку, делала лишний экземпляр и приносила домой. Текст был слепым, не отредактированным. Но мы зачитывали его до дыр. И наши знакомые. И знакомые знакомых...

В 1946 году роман вышел отдельной книгой. Фадеев, как и обещал, сразу же отправил экземпляры в Краснодар. Настроение было праздничное, приподнятое. В Театре киноактёра шла работа над спектаклем — и надо было писать пьесу. Сергей Герасимов начал работать над фильмом — надо было писать сценарий.

Фадеев вникал в каждую мелочь, даже утверждал актёров на роли героев-краснодонцев.

В марте 1946 года в «Правде» — восторженная рецензия Г. Владыкина. Через несколько месяцев в той же «Правде» — разгромная статья: Фадеев сгустил краски, описывая отступление советских войск, и слабо показал руководящую роль партии. Сталин дал указание: срочно написать второй вариант романа.

ПЕРЕДЕЛКИ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Это надо было пережить. Выдержать. Многие понимали: вождь выдавал желаемое за действительное. В сценах отступления Фадеев был документально точен. Сколько раз он, военный корреспондент,

видел подобное на разных участках фронта!

Лишь в 1956 году журнал «Новый мир» рискнул опубликовать мнение Константина Симонова: «Признавая всю ценность прекрасных новых страниц второго издания романа «Молодая гвардия», мне хочется сказать, что первое издание его никак не заслуживало той критики, которую оно получило... Такие трагические обстоятельства, при которых горсточка советских людей в первые тяжёлые годы войны оказывались и без связи, и без помощи, оказывались отрезанными и на какое-то время предоставленными самим себе, — такие обстоятельства не только бывали, но их и не могло не быть в реально сложившейся тогда обстановке войны».

И что же? Даже в период начавшейся оттепели Отдел культуры ЦК КПСС отреагировал мгновенно: «Считали бы целесообразным вызвать К. Симонова в ЦК КПСС и указать ему на допущенную ошибку».

Не позавидуешь Фадееву! Но делать нечего. Покаялся. Перевёл дух. И заперся на даче в Переделкине — переделывать роман.

Работа продвигалась с трудом.

В конце 1947 года Фадеев пришёл к нам как в воду опущенный:

— Завтра фильм будет смотреть Сталин.

Ничего хорошего от этого просмотра не ждали. Как ни странно, катастрофы не произошло. Сталину объяснили, что режиссёр следовал тексту романа. В общем, свалили на Фадеева. Правильно сделали: с романом уже всё ясно, хоть бы фильм спасти! Впрочем, замечания Сталин, конечно, сделал. Те же самые.

Сергей Герасимов старался изо всех сил: фильм — не рукопись, внести изменения труднее. Летом 1948 года обе серии, исправленные, «вылизанные», были наконец представлены художественному совету. Тут-то и грянул гром. Леонид Ильичёв, первый заместитель начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), огласил мнение совета: фильм получился о гибели, а не о борьбе. Это не годится. Необходимо пересмотреть сцены ареста молодёжи, эпизоды в тюремной камере, всю сцену казни молодогвардейцев, переделать конец...

Фадеев в этом уже не участвовал. Его больше волновал роман. «Переделываю молодую гвардию на старую», — писал он Лидии Либединской. Собирался снова поехать в Краснодар, поискать что-нибудь о коммунистах. Наверняка книгу жители уже получили, встретят его хорошо. Был уверен: там роман понравился.

Как же он ошибался!

«ЧТО НАПИСАНО ЗА НАШУ ДОЧЬ...»

Летом 1946 года из Краснодона пришло письмо от Д. К. Андросовой, матери погибшей Лиды Андросовой:

«Вы, дорогой писатель, даже не расспрашивали меня за дочку мою... Вы только записали с её фото черты лица, одежду и только спросили, какая она была собой, стройная, радостная в жизни ... Я, дорогой писатель Александр Александрович, была так расстроена,

растеряна, сидела и думала, какие мы ещё с мужем счастливые, что к нам заехал такой великий человек, и что наша дочь заслужила это... Получив роман, я сразу начала читать его потому, что мне было очень интересно знать, что написано за нашу дочь...

И вдруг я дочитываюсь до того, что дневник нашей дочери попал в полицию и поэтому узнали, кто был организатор этой группы. Я сразу сделалась умалишённой и что делалось со мной — я вам передать не могу. Мне так было больно и обидно, думаю: почему же написана неправда? Ведь нашей дочери не только дневник, а даже ни единой записочки не попадало в полицию. Дневник Лиды вместе с флагом были спрятаны у семьи Кезиковой, и мы его взяли, когда пришли наши, и послали его в Москву. Об этом знают буквально все родители нашего посёлка.

Мы, родители Лиды, просим вас, дорогой писатель Александр Александрович, объяснить нам, возможно, вам кто-либо по злобе к нам чего глупого наговорили. Я ожидала в вашем романе совсем другое...»

Второе письмо — от Надежды Тюлениной, сестры Сергея, 19 января 1947 года. Не Фадееву — Сталину: «О неверном освещении деятельности «Молодой гвардии» в романе Фадеева»:

«Дорогой наш вождь и учитель Иосиф Виссарионович! Зная Вашу справедливость и любовное отношение к погибшим борцам за революцию, нашу «Молодую гвардию», я как сестра партизана Сергея Тюленина хочу осветить Вам те важные вопросы, которые являются неверными в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия»...

Роман Фадеева был построен на основании слов матери Олега Кошевого, Елены Николаевны Кошевой, которая не знала никаких подробностей о деятельности подпольной организации, а узнав кое-что от меня, даже кличку своего сына, она передала всё писателю Фадееву в туманной и искажённой форме... Фадеев почему-то не потрудился подробно расспросить меня, участвующую в этой организации, а поговорил со мной поверхностно: почему место, где мы живём, называется «Шанхаем» и жив ли китаец, основатель поселения...

Особенно меня интересует вопрос: из каких источников взял Фадеев, что семья Кошевого принадлежала к числу подпольщиков, тогда как сам Кошевой Олег вступил в отряд «Молодой гвардии» в ноябре 1942 года и был рядовым подпольщиком... 15 декабря Олег стал комиссаром. Его мать Елена Николаевна имела тесную связь с немцами, а также его дядя Коростылёв Николай, у которого на квартире стоял немецкий штаб. Во время массовых арестов семья Кошевого никаким арестам не подвергалась... Никогда никаких совещаний в квартире Кошевых не происходило, так как во всех комнатах помещались немецкие офицеры. Совещания происходили чаще всего у Третьякевича, Арутюнянца, Земнуховых и в хуторе Шевырёвке у Савинкова...

Если писатель Фадеев глубже вникнет во всё и даст правильные образы, то его роман будет ещё популярнее, потому что остались живые люди, которые возмущаются неправдой и подтасовкой в романе...»

Эти два письма, как и другие, опубликованы в книге «Молодая гвардия» — художественный вымысел и историческая реальность». В обоих письмах — критика романа. Но какие же они разные!

Андросовой руководит личная обида. У Тюлениной личной обиды нет: образ Серёжки — один из самых привлекательных и сильных. Здесь речь идёт только о справедливости. О правде.

Фадеев ответил на оба письма. Матери Лиды — спустя год, 31 августа 1947 года:

«...Вы, конечно, совершенно правы, что дневник Вашей дочери Лиды никогда не попадал к немцам. Дневник этот находится у меня, и я Вам его с глубокой благодарностью возвращаю... Я сознательно сделал так, что её дневник будто бы после её ареста попал к немцам... Весь вымысел... нужен был мне как раз для того, чтобы показать: 1) что немцы с особенной силой терзали вашу дочь, зная её советский дух; 2) что немцы знали о её любви к Сумскому и пытались выудить у неё признание о любимом человеке. Этих обстоятельств не было на самом деле, то есть немцы на самом деле, возможно, не знали об этом, а только догадывались. Но я посчитал возможным ввести это в роман, чтобы тем самым подчеркнуть и возвысить стойкость Вашей дочери, и её бессмертный подвиг...»

Во втором варианте романа Фадеев «развернулся» на 180 градусов: «Хорошо, что мать успела спрятать её дневник... Дневник этот не попал врагу и сохранился до нашего времени».

Письмо Тюлениной пролежало без ответа ещё дольше. Думаю, на него Фадеев вообще не отреагировал бы, как на десятки, сотни других писем возмущённых жителей Краснодона. Но это — послано Сталину, значит, на контроле. От Сталина письмо спустилось Жданову и, наконец, дошло до Фадеева. Вот его реакция:

«Письмо Надежды Тюлениной... отражает ту обывательскую возню, которую подняли над памятью погибших юношей и девушек некоторые из их родителей и кое-кто из оставшихся в живых членов этой молодёжной организации». 17 марта 1948 года на письме Надежды Тюлениной появилась резолюция: «В архив».

Но письма, возмущённые, кричащие, продолжали идти. Всё в архив не отправишь! Значит, надо проверять. В январе 1947 года в ЦК ВЛКСМ поступила докладная записка А. В. Лукина, редактора издательства «Молодая гвардия», с грифом «Секретно»:

«Считаю своим долгом довести до сведения секретариата ЦК ВЛКСМ следующее: роман Фадеева «Молодая гвардия» подвергается самой беспощадной и, надо сказать, справедливой критике. Молодёжь, учительская общественность и родители молодогвардейцев обвиняют Фадеева в том, что он незаслуженно выдвинул на первый план Кошевого, снизил образ Громовой и особенно Ивана Земнухова, которого весь город считает организатором, руководителем и душой «Молодой гвардии». Жители Краснодона... обвиняют Фадеева в том, что он ни у кого из краснодонцев, кроме Кошевой, не был. Они, в частности,

утверждают, что Фадеев неверно показал и всю организацию в целом... В настоящее время между семьями молодогвардейцев идёт страшная распря... Вину за эту распря несут Кошешая, Борц и Виценовская. Они занимаются склокой, стараются, пользуясь своей грамотностью, знанием советских законов, занять первенствующее место...»

Далее говорится, что Кошешая после похорон обошла семьи погибших, записала всё, что ей рассказали родители, затем изложила весь материал и то, что было сделано Земнуховым, приписала Олегу... И предложение: чтобы успокоить город, Кошевой лучше уехать из Краснодона. Так и случилось: она переехала в город Алчевск, тут же, в Донбассе.

КОШЕВОЙ ИЛИ ТРЕТЬЯКЕВИЧ?

Закрутилась-завертелась карусель... И крутится уже 65 лет. Главный вопрос: кто же был комиссаром — Олег Кошевой или Виктор Третьякевич? Уверена: вопрос этот возник только из-за недобросовестности комиссии Торицына, оставившей Третьякевича без награды. Кошевой мужественно сражался с врагом, погиб... Но у борцов за справедливость это был самый веский аргумент: «Почему Третьякевич за бортом? Ведь именно он был комиссаром!»

Об этом мне рассказывал полковник кандидат исторических наук Георгий Минаевич Арутюнянц — дважды я брала у него интервью в московской квартире на Пресне.

Вспоминал, как тщетно добивались они правды. Тогда он решил написать книгу, назвать в ней всё своими именами. Принёс рукопись в издательство. Сразу же спросили:

— Кто у вас там комиссар?

— Третьякевич, конечно.

— Напишите, что Кошевой. Тогда и будем печатать.

Арутюнянц ушёл, хлопнув дверью. А вот девушки-связные слабину дали. Однажды в Краснодоне готовились к приезду очередной комиссии. Сестёр Иванцовых инструктировали...

— Как говорить? — спросила Ольга. — Как было или как в книге?

Чиновник за голову схватился:

— Как в книге!

А Василия Левашова вообще никто и не слушал, и не спрашивал. Полистают документы, посмотрят удивлённо:

— Вы, собственно, кто? Вас нет ни в списке награждённых, ни в романе Фадеева. Значит, к «Молодой гвардии» отношения не имели.

Несколько лет назад я участвовала в телевизионной передаче, посвященной Александру Фадееву. Среди выступавших — историки, литературовед, жительницы Краснодона. Все утверждали: комиссар — Третьякевич. Оказывается, сначала так считала и сама Елена Николаевна Кошешая. Сразу после освобождения Краснодона она написала заявление о материальной помощи: «Мой сын был участником «Молодой гвардии». Просто участником. Потом, видимо, вошла во вкус.

Впрочем, допустим, что Третьякевич — не комиссар. Бог с ней, с должностью! Но ведь никто, ни один человек не сомневается: Виктор — активнейший молодогвардеец, член штаба, на его квартире было первое организационное собрание. Так почему же нет его в списке награждённых, хотя бы среди рядовых членов? Почему нет его в романе Фадеева?

В романе он есть. Только под другой фамилией: Евгений Стахович. Предатель.

ТРЕТЬЯКЕВИЧ — СТАХОВИЧ

Но надо же иметь хоть один документ, подтверждающий версию предательства, хоть одну порочащую деталь! У Фадеева этого не было. Тем не менее, со всей силой своего таланта лепил он образ предателя: «Как все молодые люди его складки, у которых основная двигательная пружина в жизни — самолюбие, он мог быть более или менее стоек... на глазах у людей... Но при встрече с опасностью или трудностью один на один он был трус»; «В городе происходили всё новые и новые аресты, по-прежнему зависящие от стихийных признаний Стаховича»; «Он потерял себя уже в тот момент, когда его арестовали»... Писатель потом оправдывался: «Я же дал псевдоним!» Увы, образ предателя как две капли походил на Третьякевича.

Не жалея красок, Фадеев нагнетает ситуацию, пишет, что ещё до ареста ребята настороженно относились к парню. Будто бы Любке говорил Иван Фёдорович Проценко, коммунист: «Когда б он в немецких руках не побывал...» И будто бы связная Ольга Иванцова передала слова Данилы, что ему нельзя доверять.

Ольга Иванцова всегда отрицала это: «Данила говорил вообще об осторожности, ни о ком конкретно». Кстати, кто такой Данила она толком и не знала, несколько раз встречалась с какой-то девушкой, называвшей себя его связной. Более того, Иванцова приводила слова своей матери, которая в те страшные дни тоже сидела в полиции: «Не верьте никому. Виктора пытали наравне со всеми. Его всегда приводили в полусознательном состоянии».

Это не оговорка: именно — Виктора. Ни у кого из краснодонцев не было сомнений: в образе Стаховича выведен Третьякевич.

Мёртвые защитить себя не могут. Это должны делать живые. Это и стали делать братья Виктора Третьякевича. Старший, Михаил, до войны был секретарём Ворошиловградского горкома партии, в годы оккупации — комиссаром партизанского отряда. Владимир — полковник, политработник. В конце 1943 года, не обнаружив в указе фамилии Виктора, он собрал материал, реабилитирующий героя. В результате карьера обоих братьев полетела под откос. Владимира обвинили в клевете на «Молодую гвардию», объявили строгий выговор; Михаила сняли с партийной работы, отправили руководить мельницей.

ОТКУДА ПОШЁЛ ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

«Друг мой, друг мой! Я приступаю к самым скорбным страницам повести» — так начинается одна из последних глав романа А. Фадеева. Я тоже приступаю к самым скорбным страницам своего повествования: оказывается, «испорченный телефон» рождался на высоком уровне! Вот выдержки из некоторых документов за март-сентябрь 1943 года.

Из сообщения наркома внутренних дел Украины В. Т. Сергиенко: «Арестованный нами бывший юрист Краснодонской горуправы и следователь райполиции Куешов М. Е. на следствии показал... что Третьякевич назвал фамилии участников организации».

Из записки А. Торицына: «По данным наших следственных органов Виктор Третьякевич... не выдержав страшных пыток... давал подробные показания о членах организации и её боевой деятельности».

Из докладной записки секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова Сталину И. В.,

Маленкову Г. М., Щербакову А. С: «В первых числах сентября на квартире Олега Кошевого состоялось организационное собрание... Был создан штаб в составе Кошевого Олега, Третьякевича Виктора, Земнухова Ивана, Туркенича Ивана и Тюленина Сергея... Впоследствии Третьякевич, как не оправдавший доверия своих товарищей, был отстранён от руководства «Молодой гвардии».

Тут вообще всё спутано-перепутано. Первое организационное собрание было не в сентябре, а в начале августа. Олега на нём не было — он пришёл в организацию в ноябре. Не было и Ивана Туркенича — он вернулся в Краснодон позже. У Кошевых никогда не собирались — в их доме стояли немцы.

Фадеев оправдывался: я шёл по пути, указанному Торицыным. Нет, он пошёл дальше! Во время работы над указом все разговоры-обвинения были за кадром, за кулисами, известны лишь узкому кругу лиц, имеющих доступ к документам с грифом «Секретно». Появился роман — и все ложные обвинения стали известны. Читатель принял их как истину.

А комиссии продолжались. 25 мая 1956 года секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин получил докладную записку инструктора ЦК ВЛКСМ В. А. Ванина «О результатах проверки в г. Краснодоне некоторых вопросов деятельности «Молодой гвардии»:

«Организаторами были Иван Земнухов, Сергей Тюленин и Виктор Третьякевич. Олег Кошевой не был организатором «Молодой гвардии». Он принят в её члены в ноябре месяце... 28 декабря Третьякевич созвал совещание членов штаба и актива... Кто-то сказал, что Третьякевич назвал под пытками ряд фамилий молодогвардейцев, и в романе Фадеева «Молодая гвардия» появился предатель Стахович. Так Третьякевич стал предателем, хотя не было и нет до настоящего времени ни одного документа, обличающего в предательстве... Органы Государственной безопасности Ворошиловградской области и Краснодона в недоумении, почему Третьякевич бесследно «исчез» из

числа молодогвардейцев и родителям безо всякого основания отказано в пенсии...»

Какая пенсия! После выхода романа Фадеева с первого памятника пирамиды над братской могилой имя Третьякевича было сорвано. Мать, стыдясь людей, пробиралась на могилу украдкой, когда темнело. Отца парализовало...

ПОКЛОН КИМУ КОСТЕНКО

Неожиданно пришла поддержка. Журналист Ким Костенко в 1950-х годах был корреспондентом «Комсомольской правды» в Донецком и Ворошиловградском регионах. С невероятным трудом получил он материалы КГБ с грифами «Хранить вечно» и «Совершенно секретно». И нашёл то, что искал! Не Олег Кошевой был комиссаром «Молодой гвардии», а «самолюбивый предатель (по Фадееву) Виктор Третьякевич» — так написал он в своей статье. Все были потрясены. К Киму пришла Валерия Борц:

— Зачем? Пусть останется, как у Фадеева. Иначе разрушим веру людей.

— Нет, — сказал он.

— Ну, пусть будет два комиссара: Третьякевич и Олег..

На Кима написал жалобу в ЦК КПСС Владимир Иванов, исполнитель роли Олега в фильме С. Герасимова. Кима вызывали на ковёр во все кабинеты ЦК комсомола; на него ополчился журнал «Юность». Выстоял!

Потом Ким рассказывал, как приехал в Краснодар, к матери Виктора. Она уже читала его статьи в «Комсомолке». Благодарила. А когда пошла провожать, прямо на улице, чтобы все видели, отвесила ему низкий поклон. До земли.

В конце 1960 года на последней полосе «Правды» появилась небольшая заметка, меньше 100 строк: «Отважный сын Краснодона». В ней говорилось, что Виктор Третьякевич по решению Ворошиловградского обкома комсомола был оставлен в партизанском отряде. Отряд был почти полностью уничтожен. Виктор пришёл в Краснодар и вместе с ребятами взялся за создание подпольной комсомольской организации. «На первом заседании штаба «Молодой гвардии» был назначен комиссаром. Вскоре после освобождения Краснодона арестовали бывшего следователя Краснодарской полиции М. Кулешова. Этот мерзавец оклеветал многих, в том числе и его. Теперь установлено, что это ложь. Виктор умер как герой. Когда его подвели к шурфу, он нашёл в себе силы, чтобы броситься на стоящего рядом эсэсовца».

Что ж, капля камень точит?! Нет, оказывается, был арестован Василий Подтынный, бывший следователь полиции. От него стало известно о письме, которое некто Геннадий Почепцов, истинный предатель, написал начальнику шахты № 1-бис 20 октября 1942 года, где сообщил, что состоит в подпольной организации и готов рассказать о её работе. Начальник шахты передал письмо начальнику Краснодарское

полиции Василию Соликовскому, которые и приказал своему заместителю Василию Подтынному начать аресты.

И опять многое странно. Во-первых, с 20 октября 1942 года, когда, как считается, Почепцов написал письмо, до 1 января 1943 года, когда начались аресты прошло два с половиной месяца. Почему же немцы бездействовали? Во-вторых, Почепцов был казнён нашими органами в Краснодоне 19 сентября 1943 года. Как предатель. Естественно, за эту записку — других прегрешений у него не было. Значит, о ней знали уже тогда? В-третьих, как считают историки Н. Петрова и В. Семистяга, не мог один человек, рядовой член организации, знавший только свою «пятёрку», выдать всю организацию. И вообще, утверждают они, уголовные дела свидетельствуют: организацию раскрыли спецорганы врага.

Словом, вопрос о предателе открыт. Но ясно: это не Виктор Третьякевич. 13 декабря 1960 года Виктор Иосифович Третьякевич был награждён орденом Отечественной войны I степени. Посмертно.

А Иван Туркенич ждал заслуженной награды почти полвека. Тогда, после провала организации, он чудом остался жив, ушёл на фронт. Погиб в Польше под городом Глогув. Лишь в 1990 году командир «Молодой гвардии» был награждён Золотой Звездой Героя.

Тогда-то стало известно, почему его «прокатили» в первом списке: он пришёл в Краснодон, бежав из плена. Кстати, среди награждённых нет Анатолия Ковалёва: ему удалось спрыгнуть с грузовика, когда ребят везли на казнь.

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Известно: слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Но Фадеев мог поймать своё слово, и не одно, а десятки, сотни лживых слов, порочащих героев. Эту фантастическую возможность дал ему Сталин. Ведь в новый вариант романа, который Фадеев писал пять лет, он мог внести любые изменения. Не захотел!

Конечно, тогда ещё не было указов о награждении Третьякевича и Туркенича. Но были возмущённые письма, были заключения комиссий. Фадеев знал о своих просчётах. И всё же не стал ничего менять в новой редакции, разумеется, кроме замечаний Сталина. А потому по-прежнему на страницах романа нет В. Гукова, Н. Петрачковой, Е. Климова. Нет и Василия Левашова: «В образе Сергея я вывел обоих братьев», — объяснял Фадеев. По-прежнему от следователя Кулешова «стало известно о показаниях Стаховича и какую роль в гибели «Молодой гвардии» сыграли Вырикова и Лядская».

Да, были и остались эти фамилии! «И Вырикова, а потом Лядская... назвали всех комсомольцев и всех видных ребят... Каждая назвала десятка по два фамилий, которые довольно точно определили круг молодёжи, связанной с «Молодой гвардией».

Вырикова и Лядская — фамилии подлинные. По Фадееву — пособницы немцев, подружки, которые когда-то сидели за одной партией.

А они, оказывается, не только к «Молодой гвардии» отношения не имели, но даже не знали друг друга! Познакомились в 1990 году, две старые женщины, прошедшие тюрьмы, лагеря, издевательства. Перед этим Ольге Александровне Лядской вручили бумагу о реабилитации «За отсутствием состава преступления». Зинаида Алексеевна Вырикова только ещё ждала реабилитации. 50 лет несли они свой крест.

По-прежнему во второй редакции комиссар «Молодой гвардии» — Олег. А Виктор по-прежнему выдаёт друзей!!! Более того, Фадеев решил добавить обвинений: «Усилия палачей были направлены не только на то, чтобы он разоблачил всех членов «Молодой гвардии», а и на то, чтобы он дал нити, ведущие к подпольной большевистской организации в городе». И Стахович-Третьякевич, по воле Фадеева, называет Полину Георгиевну Соколову, нити от которой действительно вели к Лютикову, возглавлявшему подпольную организацию. Невероятно!

КОМИССИЯ РАБОТАЛА ПОСПЕШНО

В марте 1993 года, в год 50-летия «Молодой гвардии», появилась итоговая Записка межрегиональной Комиссии по изучению истории «Молодой гвардии». Среди её членов — представители Луганска, Москвы, Кировограда, Краснодона:

«Существует много свидетельств, что Олег Кошевой в «Молодой гвардии» был куда более скромной фигурой и... не мог быть организатором и комиссаром комсомольско-молодёжного подполья в Краснодоне. Не позволяли, прежде всего, возраст и жизненный опыт (к моменту создания «Молодой гвардии» ему было 16 лет). Кроме того... Олег был принят в комсомол в марте 1942 года — для комиссара мощной подпольной организации этот стаж был явно недостаточен... На основании широкого круга источников комиссия полагает, что Олег Кошевой организатором и комиссаром «Молодой гвардии» не был. Комиссаром он стал числиться только в декабре 1942 года, когда создавался (фактически на бумаге) отряд «Молот»... Этот отряд формировался в тайне от руководителя «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича, что сразу же привело к дезорганизации в рядах подпольщиков...

Для выяснения обстоятельств гибели молодых людей была создана комиссия из представителей местных и центральных органов, которую возглавил А. В. Торицын. Комиссия работала поспешно и недостаточно компетентно. В её документах отчётливо просматривается субъективизм и предвзятость по отношению к некоторым участникам подполья...

Выводы и предложения указанной комиссии были положены в основу решений местных и центральных комсомольских, партийных и государственных органов, которые на многие десятилетия предопределили официально-парадную, но далёкую от истины историю «Молодой гвардии»...

Елена Николаевна Кошевая, как это установлено комиссией, оказала большое влияние на работу комиссии под руководством А. В.

Торицына. Именно её показания стали основой искажений истории комсомольского подполья... Она же позднее навязала своё, весьма далёкое от истины, представление о создании, деятельности и причинах гибели «Молодой гвардии» командированному в Краснодар А. А. Фадееву...»

И вот умер Василий Левашов. Он понимал: с его уходом оборвётся ниточка — возможность рассказать грядущим поколениям правду о героях Краснодона. За несколько дней до смерти, 22 июня 2001 года, он пишет своеобразное завещание, которое опубликовано в книге «Молодая гвардия» — художественный вымысел и историческая реальность»; оно хранится в архиве. «К читателю сборника обращается последний молодогвардеец» — так оно называется. Левашов призывает молодёжь любить Родину, пишет, что его друзья не могли жить иначе.

Прошло 65 лет. Нет Василия Ивановича Левашова, «возмутителя спокойствия», как называли его многие чиновники. Нет и Елены Николаевны Кошевой, которая по заключению межрегиональной комиссии «оказывала всяческое противодействие... пытавшимся установить истину». Вряд ли появятся новые факты, новые документы. А потому, наверное, пора остановиться, перестать копыя ломать. Не надо омрачать память о членах «Молодой гвардии». Все они были героями, были друзьями, были единомышленниками.

«Раз ты уже взял живые фигуры, то нельзя подвиги одних приписывать другим. Это будет оскорблением по отношению к их памяти, по отношению к оставшимся живым людям».

Александр Фадеев. Из выступления в Союзе писателей СССР в феврале 1947 года.